

Кристина Рой
В ИЗГНАНИИ

КРИСТИНА РОЙ

В ИЗГНАНИИ

СВЕТ НА
ВОСТОКЕ

Roy, Kristina
In der Verbannung

Кристина Рой
В изгнании
Под редакцией Л. Герман

© 1992 «Свет на Востоке», Корнталь

Глава 1

Зарошье было небольшим красивым селом. Меж лесами и холмами протекало несколько речек, вода которых вращала жернова водяных мельниц, куда со всех концов возили зерно на помол. Население было трудолюбивое, сеяли лён и коноплю, из которых женщины ткали полотно. Община была самостоятельная, хотя и у неё были свои проблемы. Одна из них – отсутствие хозяина на верхней мельнице.

Но вот откуда-то приехал человек, который после недолгого осмотра купил эту мельницу и стал на ней работать.

В первый же день, как он поселился на ней, случился в деревне большой пожар, от которого сгорело бы, по крайней мере, полсела, если бы не новый мельник с дельными советами и помощью. Он сразу завоевал сердца сельчан. Они стали уважать этого смелого, находчивого человека. Каждый вёз теперь молоть зерно только на его мельницу, и наконец понавозили столько, что он едва справлялся с помолом, хотя привёз с собой и дельного помощника, да и взял к себе в учение двух парней из деревни.

Помощник – молодой, красивый парень, но немой – очень уважал, даже любил своего хозяина. Мельник был человеком лет сорока, с лёгкой поступью и солдатской выправкой, с красиво подстриженной бородкой. Говорил он немного и умел слушать. Люди охотно делились с ним своими переживаниями, нуждами и обидами. Он им сочувствовал и всегда давал разум-

ные советы. Звали его Козимой, а помощника – Андреем.

На другом конце деревни жила старушка, вдова бывшего сельского учителя, которая в молодости служила у господ и научилась хорошо стряпать и вести хозяйство. Она была довольна своей судьбой – Козима-мельник взял её в работницы. Она жила в его доме, и ей казалось странным, что он обращается с помощником, как с сыном. Жили мужчины в одной комнате, но у каждого был свой шкаф. Разговаривали они с помощью пальцев.

Бабушка очень жалела немого Андрея – он был такой кроткий, работающий. В свободные от работы часы он уходил на речку или в лес и читал там книгу. Козима был добрым человеком. От него никогда не слышно было плохого слова, и везде, где только представлялась возможность, он помогал людям.

За мельницей когда-то была тёмная кладовая. Её Козима велел вычистить, и Андрей настлал в ней пол, вставил окошко, покрасил всё, поставил в комнату койку с матрасом, одеялом и подушкой. Нашлись и стол, и стул, и когда случался какой путник, ему предоставляли там ночлег.

Однажды пришёл больной нищий. Андрей сварил для него снадобье из разных трав и ухаживал за ним. Через неделю больной поправился и не знал, как благодарить своих благодетелей.

Как-то поздним осенним вечером хозяин и помощник долго о чём-то советовались. После этого разговора мельник объявил крестьянам, привозившим зерно, что будет строить сушилку для фруктов. Он объяснил людям, что фрукты лучше сушить, чем за бесценок продавать их прямо с дерева. Состоятельные хозяева

удивились, как эта мысль им раньше не пришла в голову. Они пригласили специалиста, сами помогали на стройке и хвалили Андрея за то, что он им начертил план постройки с обозначением размеров, как настоящий инженер. Сушилка вскоре была построена, и как раз сушили сливу, когда бабушка получила от своей замужней дочери письмо следующего содержания:

„Моя дорогая матушка!

Мы желаем вам доброго здоровья и приветствуем вас всей семьёй. Слава Богу, мы живём хорошо, никто не болеет, но имеем большую скорбь из-за нашей Анны.

Дорогая мама, подумайте только, у нас в деревне появилась новая вера. Люди собираются по домам слушать Слово Божие. Я тоже несколько раз была там и должна сказать, что они ничего плохого не делают. Не нравится мне только то, что каждый, кто туда продолжительное время ходит, начинает плакать о своих грехах, а потом говорит, что Иисус Христос ему грехи простил и что он возвратился к Богу. Я про себя не могу этого сказать, хотя всегда была доброй. Вы ведь меня знаете, матушка. Только фарисеи могут хвалиться перед Богом. В конце концов, пусть люди говорят, что хотят, но зачем они совратили нашу Анну? Отец очень зол на неё, два раза даже бил её за это, но она от своего не отступает. Её уже сватали, так она заявила, что не пойдёт за безбожника.

Ах, дорогая матушка, возьмите Анну хоть на полгодика к себе. Вы благочестивая женщина, знаете Священное Писание, сможете переубедить её, и она забудет новую веру, к тому же у вас там этого нет. Анна может вам помогать в работе, а если вы на неё

что-то потратите, то мы вам возместим. Мне Анну жалко, и я не хочу ссориться из-за неё с мужем“.

Письмо заканчивалось приветом от всех родных.

– Что вы на это скажете? – спросила бабушка мельника, подавая ему письмо. – Моя дочь даже ещё не знает, что я у вас в услужении, и она хочет послать ко мне внучку. Что я ей отвечу? Они Анну с детства воспитывали по-городскому, потому что она в школе хорошо училась и многого добилась в рукоделии и шитье.

Козима ещё раз прочитал письмо и ответил:

– Что мне сказать? Ваши дети глупы, если думают, что наказанием можно заставить человека идти правильным путём. То, что однажды принято сердцем и умом, сидит крепко. Будь то доброе или злое, оно так легко не забывается. Если она умеет шить, то напишите внучке, пусть приезжает, работы ей найдётся достаточно, чтобы самой заработать свой кусок хлеба. В вашей прежней хате есть ещё койка. Велите её принести и поставить рядом со своей. Места хватит.

– Вы добрый человек, господин Козима, – благодарила бабушка радостно. – А если Анна здесь преткновением будет? Она моя внучка, но эта новая вера...

– Ах, – покачал головой мельник, – пусть она верит во что хочет. Если она сможет забыть, то забудет, а если нет – мир достаточно велик, в нём могут жить люди, и не понимающие друг друга. Один Бог знает, что хорошо и что худо.

Бабушка в тот же день написала дочери, чтобы внучка приехала к ней.

Глава 2

Осенний вечер спустился на землю. Лёгкий туман окутал горы и долину. Медленно падала листва с деревьев. Было воскресенье. В селе в трактире играла музыка для танцев для той самой молодёжи, которая утром сидела в церкви и слушала проповедь о последнем суде. Кто из этих молодых людей думал сейчас о нём? До него ещё далеко, и кто точно знает, когда он будет и будет ли вообще?

У плотины мельницы, в тени сосен, по своему обыкновению, сидел Андрей и читал. Вдруг он увидел на дороге, ведущей в деревню, молодую девушку. По выражению её лица было видно, что она счастлива. Она увидела Андрея, поздоровалась и спросила, где мельница господина Козимы.

Андрей смутился, молча поклонился и приложил пальцы к губам.

– Вы не можете говорить? – спросила девушка.

Он кивнул.

– Я Анна. Моя бабушка живёт на мельнице господина Козимы.

Тогда Андрей вынул блокнот из кармана, вырвал листок из него и написал: „Вас ожидают“.

– Вы знаете, – обратилась она к нему, – когда Иисус был на земле, Он глухих делал слышащими и немых говорящими. Он и вам поможет, только надо Его об этом попросить.

Видно было, что её слова подействовали на него. Но разговор их был прерван, так как бабушка издали увидела внучку и поспешила ей навстречу. Бабушка внимательно её оглядела, но ничего особенного в ней не нашла. Анна была одета в простенький городской

костюм, и весь внешний вид её говорил о внутреннем спокойствии. У словаков есть поговорка: „Кровь родная – не водица“. Старое сердце бабушки растаяло, когда внучка, обняв её, поцеловала. Анна передала ей привет от родных. Когда они пошли через двор, им встретился Козима, который приветствовал Анну с серьёзной любезностью. У бабушки вскоре был готов ужин, и Анна ушла на покой.

Глава 3

Дни и недели жизни подобны ручью, который бежит безостановочно, пока не достигнет моря. Так и время летит, оставляя за собой лишь доброе или злое. И в Зарошье уже прошло четыре воскресенья с тех пор, как появилась Анна. Многие пережили люди за это время. Они собрали овощи и картофель. Женщины начали обрабатывать коноплю и лён, а мужчины заготавливали на зиму дрова. У Козимы на мельнице также было много работы, но она в этом году удивительно спорилась: было заметно, что прибавилась пара молодых трудолюбивых рук.

Бабушка никак не могла понять, почему её дочь недовольна внучкой. Девушка была быстра, как лань, притом всегда всем довольная и ласковая; всё, за что бы она ни принималась, удавалось ей. То, что она утром и вечером читала Библию и подолгу молилась, никому не вредило. Бабушка видела, что наставлять её не нужно, потому что внучка сама читала Евангелие, и это её радовало. Анна прекрасно понимала всё прочитанное и правильно объясняла.

Она была приучена ко всякому женскому труду, но предпочтенье отдавала шитью. Козима попросил у одной женщины в деревне швейную машинку для Анны, обещав не взыскивать долга, чему бедная вдова была очень рада. Мужчины не обращали внимания на Анну. Козима разговаривал с ней мало, но на её вопросы отвечал вежливо и ласково. Анне также быстро удалось усвоить язык знаков, что бабушке было не под силу.

Однажды Анна и Козима шли через лес из деревни домой. Они возвращались с похорон. Говорили они о семье покойного. Затем замолчали. Анна углубилась в свои мысли и не замечала, что Козима со стороны наблюдает за ней. Вдруг он спросил её:

– Анна, скажи мне, что ты думаешь о похоронах?

– Я думаю, как ужасно явиться пред судилище Божие без Христа, без прощения грехов, непримирённым с Богом, – сказала Анна.

– Разве ты знаешь, как Ламский умер, что вправе так говорить о нём?

– О, я ведь Ламского знала, он был пьяница и хулигатель, его проклятия были ужасны. И умер он скоропостижно, ушёл даже непримирённым с родным братом.

– Вот как? Значит, ты его знала... А что ты думаешь о надгробной проповеди?

– Я думаю, что это великий грех – читать Слово Божие и при этом лгать. И вообще, всё это погребенье было большой ложью... Вы меня извините, что я так говорю, – сказала она грустно, – но разве это не так? Вдова плакала и причитала, будто она невесть как счастлива с ним была, а в доме был настоящий ад. Люди сошлись, как бы выражая умершему почтенье, а в действительности его никто не уважал. А потом ещё спели гимн „Добрым подвигом я подвизался“...

– Да, Анна, ты права, всё это – ложь и обман. Но разве только это ложь? Весь мир во лжи.

Горькая усмешка промелькнула на лице мельника.

В лесу было тихо. По дорожке шли два человека, и каждый думал о своём. Один из них – серьёзный, уже много переживший, другой – молодая девушка, только вступающая в жизнь. Вдруг Козима спросил Анну:

– Что это за книга, которую ты читаешь утром и вечером?

– Библия, господин Козима, – ответила Анна.

– Разве у тебя нет других книг?

– Были, да их сожгли мои родные.

– У меня очень много книг, можешь брать читать, а потом можем обмениваться мнением. Хотя у тебя другие убеждения, чем у меня, у нас есть что-то общее. Я вижу, ты хочешь Богу служить, служа людям, и я того же хочу. Другого богослужения не существует, – сказал Козима.

– Спаситель сказал: „Следуй за мной!“ И Сын Человеческий пришёл не для того, чтобы Ему служили, а чтобы служить людям, – сказала Анна. – И я хотела бы в этом быть похожей на Него, но, к сожалению, мне это мало удаётся.

– Если ты больше хочешь служить, то я тебе могу помочь: по ту сторону ручья, у самого леса, стоит бедная хижина. В ней живёт больная женщина. Взбивай ей ежедневно постель и приноси ей от бабушки чего-нибудь поесть.

Глаза девушки засияли:

– Я могу сейчас идти?

– Можешь, если хочешь. Но прежде я должен тебе сказать, кто эта больная. Она раньше грешила с некоторыми мужчинами, которых мир нынче уважает.

Некогда она была чиста и невинна, как ты, а когда пришло искушение, она не устояла. Погубившие её имеют семьи, жён, детей, а она презренна и покинута. Если ты туда пойдёшь, не жди распротёртых объятий. Удары судьбы ожесточили её сердце. Не пропала у тебя охота туда идти?

– О нет, я пойду сейчас же. Немного трудная это задача, но не бойтесь, Господь Иисус поможет мне полюбить эту бедную душу, и лёд в её сердце растает.

Девушка давно исчезла, а мельник стоял всё на том же месте и смотрел ей вслед. „Если жизнь испорчена, как её исправить?“ – думал он.

Анна уже третий раз стучала в дверь избушки, но никто не отзывался. Наконец она набралась мужества и, открыв дверь, вошла. Снаружи изба выглядела убогой, но внутри царила такая нищета, что её трудно описать. На постели, которую, наверное, уже год не стирали, лежала скорченная женщина. С закопчённых балок низкого потолка свисала чёрная паутина. Глиняный пол был изрыт. Штукатурка со стен от сырости отвалилась. Хорошо ещё, что в грязном окошке стекло было разбито, так что в помещение проходил свежий воздух. Анна, ошеломлённая, на мгновение остановилась. Тут женщина поднялась с постели – и пара чёрных впалых глаз с удивлением и злобой уставились на Анну:

– Кому здесь что надо?

– Я пришла посмотреть, не нужно ли вам чего, – сказала Анна.

– Что? Ничего мне не нужно, могу заживо сгнить, – ответила женщина.

– А что на это сказал бы Господь, Который и меня, и вас любит?

– Какой Господь? Кто меня любит? – злобно закричала женщина.

– Иисус Христос, Сын Божий...

Чёрные глаза уставились на миловидное девичье лицо.

– Не сердитесь на меня, я ничего плохого вам не сделаю. Я чужая здесь, всего с месяц живу на мельнице Козимы. Если бы знала про вас раньше, я пришла бы раньше. А мне только сегодня про вас сказали. Вы, наверное, больны, и вам плохо лежать. Позвольте мне взбить вам матрас, – сказала Анна.

– Ах, зачем со мной ещё возиться? – возразила уже чуть спокойнее женщина. Но пришлось ещё долго её уговаривать, прежде чем она позволила посадить себя на стул, чтобы освободить постель. Это была нелёгкая задача. Анну тошнило от тяжёлого запаха, исходившего от полусопревшей соломы и скатавшихся перьев в подушке, на лбу выступили капли пота, пока она справлялась с этой работой.

Больная сразу же угрюмо бросилась на свою постель и отвернулась к стене без единого звука.

Анна поспешила уйти, чтобы принести ей поесть. Когда она через час вернулась с горячим супом, блинчиками и чаем, женщина без долгих уговоров встала и с аппетитом поела. Но, когда Анна, уходя, протянула ей на прощание руку, больная сделала вид, что не замечает её и без слова благодарности легла в постель.

У плотины Анну окликнул мельник.

– Ну как дела, Анна? – спросил он её.

– Господин Козима, вы сказали, что для этой женщины надо ежедневно взбивать постель, но этого мало...

И она рассказала, в каком состоянии постель и комната больной, что та действительно заживо сгниёт, если...

– Ты права, Анна. А знаешь, я предложу ей комнатку для гостей на мельнице, пока мы приведём в порядок её хатку.

– О, если вы так добры и поможете ей, Господь Иисус и мне поможет её уговорить, – сказала Анна.

Не выразить бабушкиного удивления и возмущения, когда она узнала о сути дела:

– Что? Такую женщину к нам в дом, господин Козима?! Что скажут люди? Ведь вы не женаты... И Андрей тут...

Мельник рассмеялся:

– Не будьте так смешны, бабушка! Во-первых, мы это сделаем так, что никто и знать не будет. Она ведь больна и временно нуждается в уходе, а потом вернётся в свою хату. Мир не так глуп, чтобы нас за это оклеветать. А если нужно, то неплохо за доброе дело и пострадать.

Наконец, через пять дней, больную удалось перевезти. Анна натопила баню, Андрей принёс воды, и Анна вымыла больную, расчесала ей волосы и одела во всё чистое. И вот, когда эта женщина лежала в чистой постели и в чистой комнате, Анна увидела, какая она красивая. Роскошные волосы цвета воронова крыла обрамляли её бледное, с тонкими чертами лицо. Женщина была ещё молода, приблизительно лет тридцати, но её чёрные впалые глаза мрачно смотрели на мир, и из её сжатых уст никто не услышал и слова благодарности.

Когда Козима вошёл, чтобы поприветствовать её, он тоже был поражён переменой, происшедшей с ней.

– Не смотрите так сердито, – сказал он больной, – мы желаем вам только добра. Как только починим вашу хату, то сейчас же перевезём вас обратно.

– Почему вы меня не оставили в покое? Кому какое дело, как я умру? – с горечью спросила больная.

– Вы не должны умереть, как животное, – возразила Анна, – у вас бессмертная душа, которая предстанет перед Богом.

– Мы должны о вас заботиться, – прибавил мельник, – потому что мы из одной земли взяты и дети одного Бога-Отца, так что мы с вами родственники.

Козима вышел. Женщина пристально смотрела на дверь, за которой скрылся мельник, потом уткнулась лицом в подушку.

Так начались заботы об этой бедной душе. Бабушка готовила для неё всё необходимое, но она была единственная на мельнице, которая не переступала порога комнаты этой женщины. Она сердилась, что Анна, вместо того чтобы шить, так много времени уделяла падшей женщине.

– Я обо всём позабочусь, – сказала Анна, – только пол я не могу исправить.

На мытьё и чистку ушло два дня, к счастью, погода была солнечная. Когда Анна на третий день поспешила к хатке, она издали уже увидела дверь и окно открытыми, покрашенными, со вставленными стёклами. Анна вошла и, поражённая, остановилась у порога: стоя на коленях, Андрей заканчивал настилку пола из выструганных досок. Стены были заново помазаны и побелены. Знаками Андрей объяснил, что сам хозяин отремонтировал окно и дверь и что они обсуждали, как починить старую мебель.

Хатка находилась в стороне от дороги, и никто из

села не подозревал, что в ней происходит. Как порази-
лась сама больная, когда она после недельного отсут-
ствия снова вернулась домой! От телеги до кровати
она шла уже сама. Хороший уход и обильная пища
восстановили её силы. В дверях она остановилась. В
очаге весело горел огонь, в комнате было тепло. На
столе белая чистая скатерть, книги и хлеб. На стене
висел шкафчик с необходимой посудой, чья-то добрая
рука развесила несколько картинок. Женщине каза-
лось, что это сон. Анна подвела её к скамейке, больная
села на неё, закрыла лицо руками и заплакала.

– Пусть поплачет, – сказал Козима, – слёзы смягча-
ют сердце. Ты, Анна, останься здесь, а я пойду.

Но, когда он повернулся к выходу, женщина под-
няла голову и, протянув к нему руки, сказала:

– Не уходите, я ещё не поблагодарила вас за всё,
что вы для меня сделали.

Козима протянул ей руку и сказал:

– Я с радостью это сделал. Но вам теперь нужно
лечь в постель, а Анна принесёт ужин. До свидания!

В обновлённой хатке послышался плач:

– Зачем вы меня спасли? Я чувствовала, что конец
мой близок, а теперь мне кажется, что я поправляюсь.
Но для чего? Как мне жить одинокой и покинутой?!

– Вы не покинуты, мы любим вас, – возразила
Анна.

– Вы – меня? А вы знаете, кто я? Ты, Анна, невин-
на, никогда не была обманута, как я, человеком,
которому я доверяла так, как ты своему Богу. Когда
меня за него выдали, я была очень молода и красива.
А он был пьяницей, ему нужно было много денег, и
так как он знал, что я нравлюсь мужчинам, то застав-
лял меня их соблазнять. Сколько скорби я перенесла

из-за этого! Люди стали говорить, что я обманываю своего мужа. И когда он допился до белой горячки и умер, говорили, что я своей беспутной жизнью довела его до этого. Когда красота моя поблекла, все отвернулись от меня. Никто не здоровался со мной на улице. Женщины проклинали меня. Сколько месяцев я уже тут лежу, но никто не пришёл, чтобы посмотреть, жива ли я. Никто не подал стакана воды. Наконец, как Ангел с неба, пришла ты. Да вознаградит тебя Господь, Которому ты служишь! Но лучше дали бы мне погибнуть! Когда я на тебя смотрю, мне страшно, что я нечиста. Кто я сегодня?! Что со мной сделали?!

Но труд Анны не был закончен. Она два раза в день приходила к больной Дорке, взбивала ей постель, приносила еду. При этом она брала с собой Библию и читала из неё.

Анна прочитала ей о великой грешнице, которую Иисус простил. Потом о прокажённом, который был очищен, и другие места из Евангелия.

Дорка стала протестовать против того, что ей приносят пищу с мельницы. У неё были небольшие сбережения – деньги, отложенные на похороны. Она их достала, передала Анне, чтобы та на них покупала необходимые продукты питания. Вскоре она поправилась настолько, что сама могла уже сварить для себя что-нибудь.

Ученики Козимы, которые были из деревни, рассказывали своим родным, что происходило на мельнице, и разнеслась молва по всей деревне о милосердных делах Козимы и Анны. Женщины стали интересоваться Доркой, ведь она им больше не вредила, и её прошлое их больше не беспокоило. Они знали, что она хорошо вышивает национальные словацкие

наряды, и стали посещать её хату под предлогом заказов вышивок. Дорка разговаривала с женщинами сдержанно, но от заказов не отказывалась, говоря, что и в постели можно вышивать. Женщины хвалили Анну за то, что она так чутко сумела подойти к Дорке и согреть её сердце. Ведь Дорка прежде была злой и ругалась, а теперь стала тихой и кроткой. А когда Дорка пришла на мельницу, чтобы отблагодарить и бабушку за её заботы о ней, то та встретила её с некоторым высокомерием, сделав замечание о её прошлом, на что Дорка ответила:

– Вы правы, тётя, я самая плохая женщина во всём селе.

Бабушка на это ничего не ответила и перевела разговор на другую тему.

Глава 4

Было Рождество. На мельнице все сидели вокруг большого стола. Бабушка и Анна пряли лён. Андрей рисовал. Учеников посадили перебирать перья, а мельник читал газету. Вдруг дверь открылась, вошёл слуга из суда и принёс приглашение мельнику сейчас же явиться в суд. Анна посмотрела на Козиму и заметила особый взгляд, какой тот бросил на Андрея. Андрей побледнел, вскочил, как будто порываясь куда-то пойти, и в бессилии опять опустился на стул. Когда Козима вышел, Андрей встал и отправился в свою комнату. Учеников отозвали, бабушка пошла к коровам, и Анна осталась одна. Когда Андрей вышел, ей хотелось пойти за ним, но, подумав, что это ей не

подобает, остановилась. И всё же внутренний голос заставил её пойти за Андреем в его комнату.

Там горела лампа. Андрей сидел за столом, опустив голову на руки, и плакал. Анна тихо подошла к нему:

– Не плачьте, Андрей, лучше расскажите, что с вами?

Он посмотрел на её участливое лицо, открыл рот, как бы желая что-то сказать, но опять опустил голову и заплакал.

– О, не скорбите, ведь Господь Иисус любит вас. Если только вы в Него верите и попросите Его, Он может и вам вернуть дар речи.

Андрей перестал плакать, и Анна смелее стала с ним говорить. Она сказала ему всё, что давно лежало у неё на сердце – об Иисусе, Который пришёл, чтобы исцелить людей от всех духовных и телесных страданий.

Андрей посмотрел на её сияющее лицо и сказал знаками: „Пожалуйста, дайте мне вашу Библию почитать“.

О, с какой радостью она принесла ему своё сокровище! Подавая ему Библию, она сказала: „Верующий в Пославшего Меня... на суд не приходит“ и оставила его одного.

Козима пришёл очень поздно и был задумчив, взглядом он искал Андрея. Потом пожелал всем спокойной ночи и удалился в свою комнату. Остальные тоже вскоре улеглись, только Анна не могла заснуть. Она молилась за две души – за ту, что в лесной избушке, и за другую – в этом доме.

Утром Козима с Андреем уехали в город, якобы по делу. Вечером они вернулись в хорошем настроении. Андрей вернул Анне Библию, так как купил себе новую.

Анна опять стала шить. Но, истинно, как только человек начинает Богу служить, заботясь о ближних своих, так ему открываются удивительные возможности для этого. У соседки заболели дети. Услышав об этом, Анна пошла помочь женщине. И благословение Божие не заставило себя ждать: дети поправились. Теперь женщина эта хвалила Анну перед всеми знакомыми, так как Анна молилась за её детей. „Если бы вы только слышали, как она молится! Прямо наизусть, и молитвенника ей не нужно!“ – говорила соседка.

Потом Анна услышала, что сильно болеет женщина, у которой Козима взял швейную машинку, и она пошла туда и стала ухаживать за ней. Свидетельствовать об Иисусе она у неё не стала, так как эта женщина была еврейкой. Но люди, жившие в доме, видели, что Анна общалась с Господом Иисусом Христом, читала Его Слово, любила Его и ради Него всё делала. Они позволили Анне читать им псалмы и пророков. При этом часто задумывались, почему эта молодая девушка совсем не такая, как другие в Зарошье. Когда женщина поправилась настолько, что могла обойтись без её услуг, вся семья жалела, что Анна уходит. Если бы она только подозревала, какое свидетельство о любви Христа она оставила своим поведением в сердце старого еврея!

День склонился к вечеру. Крупные капли дождя стучали в окно, за которым сидел Андрей и читал первую главу пророка Исаии. Он был сосредоточен и не замечал, что делалось вокруг. Ученики наблюдали за ним со стороны и удивлялись, что могло его так заинтересовать в Библии? Почему у него такой грустный вид? Наконец один из них осмелился, тихо подошёл и стал за его спиной. Заглянув через плечо, его взгляд

упал на подчёркнутые слова: „Если будут грехи ваши, как багряное, – как снег убелю; если будут красны, как пурпур, – как волну убелю“. На эти слова смотрел Андрей и тяжело вздыхал.

Дождь не прекращался, и вода в речке значительно поднялась. Анна сидела на кухне у очага. Огонь весело горел. Варился ужин. Сложив руки, она смотрела на огонь и вспоминала, как с ней обращались дома в последнее время. Её изгнали и послали сюда. Матери она никак не могла угодить, и отец был зол на неё, сёстры её избегали. „А что я им сделала? Разве я их не любила? А после моего обращения даже ещё больше, – думала она. – Разве я не стала лучше, когда получила прощение? Раньше я поступала плохо, и меня не наказывали, а теперь меня послали к бабушке, которая сама у чужих живёт. Если бы господин Козима не был так добр, он бы меня здесь не держал. Конечно, мне хочется домой, но мне сказали, что смогу вернуться лишь при условии, если не буду общаться с верующими. Этого никогда не будет. Прошлого не вернуть. Они могут изгнать меня из своей среды, сжечь мои книги, но Господа моего они не могут у меня отнять. „Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими“. Мир велик и просторен, но нигде нет родины, везде изгнание...“

Грустные мысли теснились в голове девушки. Треск огня в очаге, шум дождя и деревьев растрогали её до слёз.

Козима уехал и ещё не вернулся, бабушки тоже не было. Никого не было, кто развеял бы её грустные мысли. Но вдруг на лице её появилась счастливая улыбка, будто она что-то увидела. Нежным голосом в её сердце прозвучали слова: „В доме Отца Моего оби-

телей много...“, и перед внутренним взором девушки появился город с золотыми улицами, стенами из драгоценных камней, с жемчужными воротами, с вечно цветущими деревьями, и голос шептал: „Отче! которых Ты дал Мне, хочу, чтобы там, где Я, и они были со Мною“. И девушке казалось, что она ясно видит эту знакомую ей картину. Она началась в Гефсиманском саду, где Сын Божий в смертельной скорби обливался кровавым потом, где на Него напали, связали и повели в Иерусалим. Там издевались над Ним, осудили и пригвоздили ко кресту на Голгофе, пронзили копьём Его бок и похоронили. Остальное совершил Небесный Отец. Он Его воскресил, взял на небо и посадил на вечный престол, положив все царства мира к Его ногам. „Слуга не выше господина своего... Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною“.

„Да, Господи, я хочу следовать за Тобой, хочу нести мой крест. Ты тоже был в изгнании. Свои Тебя не приняли. Ради Тебя я хочу всё переносить с терпением, только так я войду в Отцовский дом“, – молилась она.

– Добрый вечер, – прозвучал голос от двери.

Анна вздрогнула:

– Вы уже приехали, господин Козима?

– Я уже некоторое время здесь. Когда я вошёл в кухню, ты была погружена в свои мысли и выглядела такой грустной. Что тебя так печалило? И чему ты вдруг так обрадовалась? – спросил Козима.

– Я думала о своём изгнании, что нет у меня родины, – созналась девушка.

– У тебя нет родины? – переспросил Козима. – Разве тебе у нас плохо?

– Вы приняли меня из милости, господин Козима.

Господь вам воздаст за это. Я ведь здесь в изгнании, – ответила Анна.

– Я слышал, что ты можешь идти домой, если будешь, как раньше, – сказал он.

Анна улыбнулась:

– Заставьте живую курицу войти в яйцо – это ведь невозможно! Так и я не могу вернуться к прежнему после того, как родилась свыше.

Он кивнул головой:

– Ты права. И у меня было время, когда всё у меня изменилось. Я тебя понимаю. Когда-то я жил, как все, и думал: „Неужели мы только для того здесь, чтобы измучить себя работой, а потом умереть?“ Это меня не устраивало. Тогда мне кто-то указал на лучший путь, и я получил книги в руки. Благодаря им мои глаза открылись. Теперь я не боюсь, что зря проживу жизнь и потом погибну.

Анна удивилась. Неужели она до сих пор ошибалась? Она считала Козиму благородным человеком, который всегда владел собой, делал добро, где мог, прощал несправедливость, переносил всякий ущерб без ропота. Но что он дитя Божие, она никогда не думала. Ведь он Библию не читал.

– Я видел, что какая-то мысль тебя обрадовала, не скажешь ли мне об этом? – спросил Козима.

– О да, – сказала Анна.

„Если он дитя Божие, он поймёт меня“, – подумала она. И она ему рассказала, как поступили с ней дома из-за Иисуса и как Господь ей теперь Духом Своим показал, что она не без родины, что земное изгнание Сына Божия завершилось в славном Небесном городе. Теперь она с радостью будет следовать за Ним, хотя и крестным путём.

Козима сидел со скрещёнными руками и смотрел на огонь в очаге. В кухне было тихо.

– Господин Козима, – прервала Анна молчание, – простите, я не знала, что вы один из тех, которые приняли Христа.

Он вздрогнул:

– Теперь ты ошибаешься, Анна. То, что ты испытала и называешь возрождением, мне неизвестно. Я человек разума. А такие вещи с разумом несовместимы. Ты веришь в Христа, Который воскрес и сидит одесную Бога на троне. Я верю в Христа, как в идеального человека, который учил людей жить полезной жизнью и героически умирать. Он жил и умер без славы. Если бы Он принял награду, о которой ты говоришь, то не был бы идеальным страдальцем. Жить, трудиться и отказываться от надежды на большое вознаграждение – не героизм.

– О, конечно, – сказала Анна. – Но быть Царём от вечности, оставить славу, стать несчастным человеком, без вины умереть за чужие грехи позорной смертью, и всё из-за любви – это мужество и героизм. Библия говорит: „Христос умер за грехи наши“. Она также говорит: „Если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна, вы ещё во грехах ваших“. Если бы Христос не умер за мои грехи, что бы стало со мной? Как бы я устояла перед Богом? Невозможно, господин Козима, не верить, что Он умер за наши грехи.

– Нет, этому я не верю, – ответил Козима.

– И что вы будете делать с вашими грехами?

Он улыбнулся:

– А ты видела, что я грешил? Я, например, не видел, чтобы ты грешила, потому что с тех пор, как ты здесь, ты только добро делаешь. Любишь Бога и

людей, исполняешь заповеди Христа. Я думаю, что и ты не заставляла меня ещё за плохим делом и не слышала от меня недоброе слово. Знаешь, кто живёт так, как жил Христос, тот уже не грешит.

– О, если бы это было так! Ну а как быть со старыми грехами, если святая Кровь их не омоет?

– Ты веришь, что Бог – любовь. Когда-то мы были мёртвые для Него, жили без Него и делали злое, но Он знает, что мы иначе не могли. Значит, если мы теперь иначе живём, то всё в порядке. Ты качаешь головой? Я не хочу трогать твоих убеждений. Так как ты веришь в суд и в вечность, ты всё же боишься. Я же совсем не боюсь встречи с Богом. Он сотворил меня, как всё другое на Земле. Когда я исполню то, что Он мне предназначил, я исчезну навсегда из мира.

– О, это печально, господин! – воскликнула Анна. – Ведь вы можете быть отозваны во цвете лет... Что с вами будет тогда? Умирает ведь только тело, у вас же есть ещё душа и дух. А они бессмертны и должны вернуться к Богу. Как же вы устоите перед Ним без искупления посредством Крови Иисуса Христа?

– Я не верю во встречу с Богом. Но, скажем, она состоится. Если я так жил, как Христос велел, значит, я устою. Когда-то мне было трудно, да и теперь не всегда легко, но у меня есть цель в жизни, которую я сам себе поставил, и я стараюсь её достигнуть. Вот что я хочу тебе сказать: там, где я раньше жил, я и сегодня мог бы жить беззаботно. Но у меня был враг, которому я хотел отплатить так, как Христос велит. Надо было одному человеку спасти жизнь – и вот ты меня видишь здесь. Мне не жаль, что я сюда приехал и лишился определённого положения в обществе. Зато я здесь имею большие возможности делать добро. Я

считаю, что вовсе не нужно особого неба и вечной жизни, человек сам в сердце своём может создать свой рай самоотречением и жертвами. Ему не нужна вечная жизнь. Он может день за днём жить в своём раю.

– Да, вплоть до смерти, – вздохнула Анна. – О господин Козима, я удивляюсь вам! Моё небо и новая земля с чудесным городом Иерусалимом и вечно живым Царём Иисусом Христом мне гораздо милее, потому что я грешница и нуждаюсь в Спасителе. Но, слава Богу, я Его имею!

Козима пожал плечами и ушёл на мельницу. Там был Андрей. Увидев вошедшего хозяина, он вскочил и закрыл книгу, которую до этого читал. Ученики заметили, что Андрея обрадовало появление Козимы. Начался разговор на пальцах. Ученики хорошо знали этот язык, но их удивляло то, что, когда Андрей разговаривал с мельником, они ничего не понимали.

В этот вечер пошёл дождь со снегом и разразилась такая буря, что все боялись идти спать. Козима ушёл в свою комнату, а остальные обрадовались, когда Анна взяла Библию и стала читать то место, где описывалась буря на Геннисаретском озере. Как хорошо, что Христос был с ними в лодке! Он усмирил бурю, и кончились страхи учеников.

– Со Христом всегда безопасно, – говорила Анна, – как быстро можно попасть в беду, если Его нет с нами.

– Но, дитя, – вмешалась бабушка, – как Иисус всегда может быть с нами? В символе веры сказано: „Вознёсся на небо, сидит одесную Бога, Всемогущего Отца“. Он же не может быть одновременно здесь и там.

– Как это может быть, я не знаю, бабушка, но я знаю, что Он сказал: „Се, Я с вами во все дни до скончания века“. Это я знаю, и Он держит Своё слово. Я твёрдо верю и знаю, что Он и здесь с нами, – уверенно сказала Анна.

Все невольно оглянулись.

„Анна, неужели правда? Вы верите, что Он здесь?“ – написал Андрей на бумаге.

– Конечно, Андрей, поэтому я не боюсь бури на дворе, – ответила Анна.

„Но это было бы ужасно, – писал он дальше, – быть постоянно в Его присутствии“.

– Ужасно? Наоборот, чудесно! – воскликнула Анна. – Ведь человек так слаб! Даже самый сильный! А Христос – всемогущ. Однажды я читала, и с тех пор это моё утешение, что мы в Нём можем иметь то, что нам нужно. Нужно прощение грехов – Он нам его даёт, потому что Он – Спаситель, Агнец Божий, взявший на Себя грех мира. Если нужен совет и некому его нам дать, то Он даст; нужна помощь – Он не откажет. Мы в Нём постоянно нуждаемся!

Вдруг с улицы послышался выстрел, крики о помощи и набат. Все испуганно замерли. Козима быстро оделся.

– Что-то случилось, пойдёмте скорее, посмотрим!

Ученики испугались, бабушка запричитала. Одна Анна ещё владела собой. Она взяла лампу со стола и поставила её на окошко, чтобы светить мужчинам во дворе.

– Вода грозит затопить Зарошьё! – крикнул Козима. – Надо направить её на луга, но нас мало, нам не справиться.

– Я сейчас приду помогать! – крикнула Анна.

Она надела рабочую куртку, высокие сапоги и, прежде чем бабушка опомнилась, выскочила на улицу.

– Анна, куда ты?! Вода унесёт тебя!

– Не бойся, бабушка, Иисус со мной!

– Ты куда, Анна? Ты тут ничего не сделаешь, – пытался остановить её Козима.

Но она не послушалась, схватила лопату и начала направлять воду, как это делали другие. Откуда у неё только сила бралась! И вода побежала по лугам и пастбищам, минуя дома. Дождь перестал, только снег бил людям в лицо. В деревне царила паника. Жители не знали, что наверху, на мельнице, с помощью Всемогущего трое отвратили большое несчастье.

– Так, теперь пошли в село! – позвал мельник.

Он не отослал Анну обратно, а взявшись за руки, чтобы противостоять ветру и воде, все трое зашагали в деревню.

Чем дальше они шли, тем больше было воды, так как не было хорошего стока. С шумом она неслась через деревню, заливая дворы и даже дома в низких местах. С появлением Козимы растерянность прошла, особенно когда люди услышали, что вода отведена на луга. Козима, конечно, не сказал, какой ущерб причинил себе, спасая их. Андрей и Анна помогали где и как могли. Они как раз намеревались вынести на сухое место сундук одной бабушки, как Анна вдруг побледнела и опустила ношу.

– Что с вами? – спросил Андрей знаками.

– Ах, Андрей, мы направили воду на луга, теперь она бежит к Доркиной хате, а она там одна. Вы пойдёте со мной?

Он сразу ответил согласием. Сундук быстро поставили на место, и оба побежали к лесной избушке.

Тучи разошлись, и теперь на землю и воду смотрели сияющие звёзды.

В окошке у Дорки был свет. Вдруг Анна остановилась:

– Смотрите, Андрей!

И они увидели поразительную картину. Хатка стояла на острове! Кругом была вода, но принесённый водой полый ствол дерева заградил воде доступ к хатке.

„О чудный Господь! Одно Его слово, и водам путь преграждён“, – думала Анна с глубоким благоговением. Они подошли к двери. Андрей открыл её и пропустил Анну. В комнате они увидели не менее удивительную картину. Возле кровати на коленях стояла Дорка, сложив руки и склонив голову на святую Книгу. Женщина искала помощи там, где единственно можно было её найти. Глаза Дорки были закрыты. Красивое бледное лицо её выражало душевный мир, как у детей в объятиях матери. Дорка не спала. Она заметила, что кто-то вошёл, обернулась и радостно вскрикнула:

– Это ты, Анна?

Они приветствовали друг друга, и Анна рассказала, для чего они пришли.

– Вы хотели спасти меня? – спросила Дорка со слезами на глазах. – Бог да вознаградит вас за добрые намерения. Он меня Сам спас! О Анна, твои молитвы услышаны! В то время, когда вода грозила затопить деревню, меня также постигло испытание. Я могу его описать только так, как ты позавчера читала: „Добрый Пастырь шёл за Своей пропавшей овечкой так долго, пока не нашёл её“. Сегодня, когда я была в великом страхе, передо мной вдруг встали все мои грехи, так что я должна была сказать: „Такая грешница не смеет надеяться на спасение“. Вдруг мне послышалось, как

Кто-то сказал мне: „Не бойся, Я с тобой“. Я ощутила явно, что Бог здесь. Я упала на колени и начала читать 53-ю и 55-ю главы пророка Исаии, которые ты мне читала, и поверила, что на Голгофе Он и за меня умер, что Он и меня зовёт. Я пошла к Нему, и Он действительно простил мне всё-всё!

– О, как Он добр! Поблагодарим же Его! – воскликнула Анна в волнении и упала на колени.

В одинокой хатке вознеслись к небу молитвы благодарения. Две души славили Бога за телесное и духовное спасение.

А что происходило в сердце немого? Он сидел неподвижно, подперев голову руками. Что он чувствовал? Это знал и видел только Бог.

Как рада была бабушка, когда внучка вернулась, правда, мокрая, забрызганная грязью и дрожащая от холода, но с сияющим лицом! Впервые бабушка помогла ей раздеться, вымыться и уложила её в постель, любуясь счастливым выражением её лица. Потом пришли мельник с Андреем и тоже пошли спать. Перед этим мельник, обращаясь к бабушке, сказал:

– Не будите Анну завтра рано, пусть выспится. Она поработала сегодня, как настоящая христианка.

– Да, да, она истинная христианка, моя Анна, – бормотала бабушка тихо. – Иисус Христос с ней, а с нами кто?

Глава 5

Холодная зима прошла, настала весна.

Наступил праздник Пасхи – воскресения Христова.

На мельнице Козимы будто всё было по-прежнему, и всё же там появился Кто-то, Которого чужие, правда, не видели, но близость Которого ощущали верившие в Него. Они знали, что Он сидит с ними за столом, что Он их любит. Идя спать, они доверяли Ему свои житейские заботы, а вставая после сна, просили у Него охраны и благословения на весь день. Козима тоже ощущал Его присутствие. Он хорошо видел, как убеждение Анны, которое делало её такой счастливой в изгнании, постепенно переходило на учеников, на бабушку и Андрея. И сам Козима не остался в стороне. Он сознавал, что способствовал этому, когда удовлетворил просьбу Анны проводить утреннее и вечернее чтения Библии. Кто-нибудь читал текст, потом все пели псалом, и Анна молилась. Так начинался и кончался каждый день. Козима чувствовал, что забытое Слово Божие, выдвинутое теперь в его доме на первый план, влияло и на его сердце. „Будь что будет, – думал он, – мои убеждения они всё равно не разделят, для этого нужно больше нравственной силы. Ну, ладно, пусть придерживаются распространённого суеверия, что Христос воскрес, лишь бы исполняли Его заповеди“. Он чувствовал, что ему теперь легче жить по заветам Христа, чем раньше, когда он был одинок. Огорчало его только то, что Андрей не льнёт к нему, как раньше. Он прямо-таки срастался с Библией. Все другие книги потеряли для него ценность. А когда Козима купил Анне все те книги, которые её родные сожгли, радовалась не только она, но ещё больше Андрей. Он сам купил книги, которые помогали ему при чтении Библии, и не только сам читал, но и другим давал их.

Анна стала собирать женщин в лесной хатке для

чтения Слова Божия, и женщины стали всё чаще посещать Дорку, а та сделала такое, что и Анна поразились: Дорка пошла в деревню и, идя из дома в дом, признавалась людям в своих грехах, просила прощения у мужчин, хотя они должны были просить его у неё и у своих жён. При этом она говорила, что Господь Иисус Христос простил ей грехи и примирил её с Богом и что она хочет примириться с людьми, чтобы начать новую жизнь.

Мужчины охотнее посещали Козиму. Он рассказывал им о чужих странах, о сельском хозяйстве, о новостях. Со времени наводнения его авторитет сильно вырос в их глазах, люди увидели, как изуродованы были его луга ради их спасения.

Анна читала жителям деревни из Священного Писания о том, что нужно возрождение свыше, т. е. покаяние. И мужчины заводили с Козимой разговор на религиозные темы. Они говорили, что они грешники, но он высказывал своё мнение, указывая им на место из первой главы книги Исаии: „Перестаньте делать зло, научитесь делать добро“, однако им казалось невозможным жить так, как жил Козима.

Мельнику Козиме удалось пресечь многолетние их тяжбы, некоторые мужчины оставили пьянку, ругань, курение.

Однажды женщина – мать взрослых сыновей, которая посещала чтения в Доркиной хате, – стала плакать и просить прощения у мужа и детей своих, говоря, что она очень виновата перед ними. Они утешали её, что охотно прощают и что всё будет в порядке, если будет делать добро. А она не успокаивалась, говоря, что виновата перед Богом и что бесполезно делать добро, не получив прощения от Бога.

Она привела слова псалмопевца: „Ты положил беззакония наши перед Тобой“, говоря: „Я тоже заслужила наказание, прогневала Отца Небесного. Мои беззакония все перед Ним“.

Вдруг вся семья увидела не только грехи матери, но и все свои преступления перед Богом. По-крестьянски они считали: чтобы начать новое, необходимо покончить со старым. Козиму они считали, конечно, честным, умным человеком, но в этом он, по их мнению, ошибался. Они поняли, что нужно что-то делать, чтобы избавиться от грехов.

„Может быть, мы узнали бы истину, если бы читали Слово Божие?“ – спрашивали они себя. И они стали его читать. Но так как не просили у Бога освятить их Духом Святым, то истина осталась от них скрытой или превратно понятой. Ведь пророчество никогда не было изрекаемо по воле человеческой, а изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым. Только освящённые Духом Святым могут понимать Библию, и поэтому бывает, что какая-нибудь простая старушка лучше понимает Слово Божие, чем учёный богослов. О, эта святая Книга – дар любящего сердца, и понятна она лишь любящему сердцу.

Глава 6

Перед праздником у Козимы мазали и белили весь дом. Было много работы, но она быстро продвигалась и уже подходила к концу. Анна убирала. Когда она вытирала на мебели пятна от извести, то обратила внимание на шкаф Андрея. В дверце торчал ключ, и

она была неплотно закрыта. Анна хотела прикрыть дверцу, но она открылась, и из шкафа вывалилась одежда. Девушка быстро стала её собирать, чтобы положить на место. Её внимание привлекли три вещи: офицерская шинель из тонкого сукна, китель и брюки. В углу шкафа стояла сабля в ножнах с поясом. Как попали эти вещи в шкаф помощника Козимы? Она аккуратно положила вещи обратно, при этом из кармана шинели выпала визитная карточка. Подняв её, Анна на обратной стороне увидела надпись: „У паровой мельницы, дистанция десять шагов, всё готово“.

Анна не поняла значения этих слов. Ей стало даже немного жутко, и она обрадовалась, когда Андрей вдруг вошёл в комнату.

– Вот, – сказала она, закрывая дверь шкафа и подавая ему карточку, – это выпало из одежды.

Побледнев, он схватил карточку и скомкал её в руке.

– Простите меня, Андрей, что я ваши вещи трогаю, мне надо было позвать вас, когда они выпали из шкафа, – извинилась Анна.

Он молча подошёл к окну и прижался лбом к стеклу. Анна продолжала свою работу. Когда она кончила, он повернулся к ней и, подав ей листочек бумаги, быстро вышел. Это была записка, написанная мелким почерком: „Не удивляйтесь моему волнению. Вы держали в руках документ, свидетельствующий о том, что мои преступления записаны там, вверху. На меня подана туда большая жалоба, и никто не может уничтожить её. Мне хочется, чтобы вы поняли меня. Если бы я смел, я доверился бы вам, но зачем ранить ваше сердце? Как бы мы тогда жили под одной крышей? Я знаю, признанием я облегчил бы душу

свою, но не смею желать облегчения, моя доля – молчать и страдать“.

Несколько раз перечитала Анна эту записку, думая о ней потом весь день. Ей было жалко Андрея. Она давно замечала, что его что-то угнетало, но предполагала, что это его немота. Он был молод и не с детства немой, ибо обладал хорошим слухом. Теперь она поняла, что внутри него была другая болезнь, название которой „вина“. „Никто не может её уничтожить“, – писал он. Но Кровь Христа это может! О, как ей хотелось ему об этом сказать, утешить его. Почему он не может рассказать обо всём? Кто это ему запрещает?

Наконец настал страстной четверг. На дворе было тихо. Анна пошла к плотине и села на обломок скалы. У её ног, журча и струясь, бежал ручей. Мельница не работала. „Завтра день смерти лучшего из людей, – сказал Козима, – надо этот день отметить“. Оба его ученика пошли в церковь к первому причастию, после чего они будут считаться сынами церкви. Козима хотел им устроить праздник.

„Страдания невинного Сына Божия начинаются сегодня ночью, – думала Анна и стала смотреть на освещённые луной горы. – Вот так, наверное, освещала луна Елеонскую гору и Гефсиманский сад, то место, где спали ученики и где их Учитель одиноко молился и страдал до кровавого пота“.

Вдруг Анна вздрогнула: тишину нарушили чьи-то медленные шаги. Девушка обернулась и радостно крикнула:

– Андрей!

Бог Сам послал его к ней. Андрей выглядел несчастным, печальным, и она стала ему рассказывать, как много Спаситель выстрадал и за его грехи. Она

смогла ему объяснить, что Святой Дух больше ничего от него не требует, как только верою принять Иисуса Христа, Его спасительную жертву и благодать.

Андрей внимательно слушал Анну. Вдруг, подняв голову, он сказал на языке знаков:

– Как велика моя вина, и Он должен был за неё страдать... – и опустил голову на руки.

– Андрей, но ведь Он уже пострадал! Грех мира был велик, значит, и наказание должно быть соответственное. Господь Бог не может наказывать дважды.

– О, Анна, будь что будет, выдадите вы меня или нет, всё равно я должен вам сказать, кто я! Не всегда я был помощником Козимы, так же как и он не обыкновенный мельник. Наши отцы имели на Дунае две большие паровые мельницы. Я окончил высшее техническое училище, сдал экзамен на инженера и пошёл добровольцем в армию. Там мне вскоре удалось сдать экзамен на звание офицера. Беспечная, легкомысленная жизнь была мне по вкусу. Как младший в семье, притом единственный сын (сёстры уже были замужем), я был избалован, всегда имел деньги. Отец ничего для меня не жалел. Мы жили в своё удовольствие, все были одинаковых убеждений – вольнодумцы и безбожники, никому пользы не приносили. Между тем отец мой вёл тяжбу со своим соседом Козимой. В конце концов Козима проиграл и очень переживал из-за этого. Я мало интересовался этим делом, хотя один адвокат мне сказал, что с Козимой поступили несправедливо. Если бы отец проиграл, я лишился бы состояния, денег для моей беспутной жизни.

Была осень. Наш полк находился по соседству с городом У., где я родился. Нам, офицерам, было скуч-

но, и мы проводили время не всегда разумно. Нашим жоаком был мой лучший друг – Эдуард. Мы были очень привязаны друг к другу. Он ввёл меня в дом одного фабриканта, с дочерью которого был помолвлен. Мы часто посещали этот дом, пока наш полк находился в том местечке. Однажды невеста Эдуарда пожелала поехать в деревню и пригласила с собой мою замужнюю сестру. Я не знаю, откуда, но пошёл слушок, что я и вся моя семья хотим отбить у Эдуарда невесту. И хотя этот слух был совершенно необоснован, Эдуард ему поверил. Он пришёл к невесте, стал её упрекать и оскорбил так, что она ему вернула кольцо и прекратила с ним всякую связь. С тех пор он меня чернил где только мог, и однажды он это сделал публично. Я не знал Христа и Его заповеди прощать врагам. Я очень гордился своей офицерской честью и, не желая больше сносить оскорблений, вызвал его на дуэль. Он принял вызов. Все попытки друзей примирить нас были безуспешны. Местом для поединка мы выбрали мельницу Козимы. О, если бы кто-нибудь пришёл той ночью и сказал: „Сегодня ты обещен, но невиновен, а завтра твои руки будут обагрены братской кровью!“ Но никто меня не предостерег, и я пошёл. На восходе солнца явились наши секунданты, врач и, наконец, Эдуард. Когда мы стояли с оружием в руках, у меня появилась мысль, что передо мной мой лучший друг и причина поединка слишком незначительна. Во мне пробудилась совесть. Секунданты ещё раз сделали попытку помирить нас. Мне казалось, что я должен простить, но Эдуард посмотрел на меня и сказал: „Между нами мира быть не может. Я не возьму своих слов обратно, пусть оружие решает“. И оно решило. Мы выстрелили одновременно и попали.

Его смертельно раненного увезли в город У. Господин Козима взял с моих друзей слово никогда не выдать, кто меня к себе взял. Больше полугода я, тяжело больной, лежал у Козимы. Между тем он продал свою мельницу, арендовал другую, далеко от этой, и взял меня с собой. Когда я поправился, он переехал в другой конец страны и опять взял меня с собой, но уже под чужим именем, под видом помощника. Я научился у него ценить полезную жизнь. Правда, он мне никогда не говорил, что Эдуард умер, но я заключил это из того, что он старался скрыть от меня правду. Я знал, что, как только обнаружат моё место пребывания, я буду наказан лишением свободы и офицерского звания. Для мира я был мёртв. Мои близкие меня давно оплакали. Большим благом было для меня изо дня в день уставать от тяжёлой работы. Это была единственная возможность немного забыть, что руки мои обогреты кровью. В болезни я потерял дар речи. Что бы я делал среди людей с этой отметкой Каина? Козима меня убедил, что, если человек перестаёт грешить и начинает новую жизнь, он перед Богом оправдан. Я просил моего благодетеля отпустить меня, думал, что тюремное заключение принесёт мне облегчение. Но напрасно. Он убеждал меня, что каждый проведённый в заключении день бесполезен. Если друг твой мёртв, то возложи на себя самое тяжёлое наказание: молчи и делай добро. Лишением свободы и чести невозможно сделать совершившееся несовершившимся, сказал он, и я должен был с ним согласиться.

Но, когда пришли вы и принесли Книгу книг, я познал Бога и тяжесть моего греха. „Человекоубийца не имеет жизни вечной“, – сказано там в одном месте, а в другом: „Если будут грехи ваши, как багряное, –

как снег убелю“. И ещё: „Ко Мне обратитесь, все концы земли!“ И теперь я знаю, что учение Козимы не устоит. Оно хорошо для него, честного человека, но не для меня, убийцы. Недостаточно оставить зло и делать добро. Прошлое должно быть уничтожено, погашено, иначе мира не будет.

Усталые руки, заменявшие язык, опустились, голова Андрея поникла, и по бледным щекам текли слёзы. Анна плакала вместе с ним. Но вдруг они оба перестали плакать: он был утешен её сочувствием.

– Вы плачете обо мне, осуждаете меня? – спросил он.

– Андрей, мне вас от души жаль. Но как мне вас осуждать, когда Иисус Христос вас уже простил и Своей Кровью искупил? Он говорит: „Изглажу беззакония твои, как туман, и грехи твои, как облако; обратись ко Мне, ибо Я искупил тебя“. Андрей, вы сегодня ещё верой можете принять Христа. Бог Отец допустил страдания Иисуса Христа в Гефсиманском саду, Его распятие, потому что вы убили, – сказала девушка.

Андрей вскочил, прижав руки к груди, поклонился и оставил девушку одну.

Теперь Анне стало понятно, откуда эти вежливые поклоны у Андрея. Ей всегда казалось, что он слишком благороден, чтобы быть помощником мельника. Бедный Андрей! Он тоже был в изгнании. Но Тот, Кто это изгнание допустил, тоже пришёл сюда, хотя Его здесь ещё не знали. Девушка опустилась на колени и в горячей молитве просила Иисуса Христа, чтобы Он открылся этому бедному грешнику, чтобы он скорее познал истину слов: „Я успокою вас“. „Я верю, что Ты, Господь Иисус Христос, услышишь меня“, – с этим победным возгласом она закончила свою молитву и встала с сырой земли.

– Я думаю, что уже пора идти спать, чтобы из-за неразумных мечтаний одной ночи не потерять здоровье на всю жизнь, – вдруг послышался голос Козимы.

Испугавшись от неожиданности, Анна ответила:

– Я уже иду.

– Спокойной ночи, – сказал Козима и ушёл.

Глава 7

Настало утро страстной пятницы. Лёгкий туман висел на горах и над долиной. Величественный звон церковного колокола напоминал людям, что святой, чистый Божий и Человеческий Сын, Иисус из Назарета, умер за их грехи.

Возле своего лесного домика стояла Дорка и смотрела на чудесный весёлый мир. Она приготовилась идти на богослужение, а теперь дожидалась только Анны. При этом она размышляла о прочитанных сегодня утром словах: „И взяли Иисуса и повели“. Перед её мысленным взором стояла вся история Его страданий. На деревенской дороге словно вдруг появилась толпа. В середине шли два разбойника, каждый с большим крестом на плечах. А перед ними шёл Иисус с терновым венцом на голове, неся Свой крест. Дорка явно видела, как струйки крови стекали по Его бледному лицу. Но люди не обращали на Него внимания, и силы оставили Его. Страдалец упал под тяжёлой ношей на землю. Над Ним насмехались. Особенно остро Дорка чувствовала страдания Иисуса, оскорбления и издевательства, когда вспомнила, что всё это произошло в пятницу. Хорошо, что люди чтут этот

день, что хотя бы один день в году вспоминают, какой ценой куплено их спасение. Дорке казалось, будто Его при ней пригвождали ко кресту, где Он должен был висеть в ужасных мучениях, изнывать от жажды. Она обеими руками закрыла лицо и горько заплакала.

– Дорка, что случилось, почему ты плачешь? – вдруг раздался голос позади неё.

– Ах, тётя, как вы пришли сюда?

– Да я хотела спросить тебя, не сошьёшь ли к воскресенью моей снохе рубашку?

– Да, я сошью, тётя. А почему вы такая печальная?

– А ты почему плачешь, Дорка? – спросила женщина.

– Разве вы не знаете, какой сегодня день?

– Конечно, знаю.

– Тогда вы забываете, как Господь Иисус Христос должен был страдать и умереть за наши грехи.

– Ах, Дорка, я никак не могу понять, почему Он должен был умереть и что я от этого имею, – сказала женщина.

– О тётя, я этого раньше тоже не знала, а сегодня знаю, что я грешница, как та великая грешница, которая слезами своими омывала ноги Господа, и что я навеки погибла бы, если бы Иисус Христос не понёс моё наказание на кресте и не умер вместо меня за мои грехи. Примерно, как если бы в нашей деревне приговорили кого-нибудь к смертной казни через повешение, а другой пришёл бы и занял на виселице место приговорённого, понимаете? Я читала в Евангелии: „Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?“ Господь Бог, Отец Небесный, не пощадил Сына Своего, зато Он пощадил и простил меня.

– Правда ли это, Дорка? Ты это знаешь? Веришь? Чувствуешь? – спрашивала женщина.

– Да, тётя, я верю, что Кровь Иисуса очистила меня от всякого греха.

– А Козима так учит мужчин: перестаньте делать зло, научитесь делать добро.

– Нет, нет, тётя, не так. Я перестала делать зло, а доброе не могла делать из-за прошлого. Меня давили грехи, я была, как больная. Напрасно говорить больному: „Перестань болеть, иди на работу“. Нет, больному нужен врач, нужны лекарства, а грешник нуждается в Спасителе. Только Христова Кровь может его очистить и исцелить. Лучше я вам не могу объяснить, тётя, но если вы встанете на колени и скажете: „Господь Иисус, прими меня из милости и прости мне мои грехи“, – Он обязательно это сделает. „Если исповедую грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды“. А вот и Анна! Мы идём на богослужение, вы не пойдёте, тётя? – спросила Дорка.

– Нет. Наши все пойдут, а я никогда не слышала столько в церкви, как сегодня от тебя, Дорка. До свидания. Больному нужен врач, а грешнику – Спаситель, – повторяла женщина про себя, идя домой. – Значит, чтобы человек мог делать доброе, нужно обязательно, чтобы его долг был оплачен. Иисус Христос Своей Кровью на Голгофе заплатил и мой долг. А я Его ещё не просила простить мне мои грехи и не призналась Ему во всём. Но я это сделаю, как только приду домой.

Дома никого не было. Она оказалась одна с Богом и приблизилась к Нему. И так как Иисус Христос всех виновных зовёт к Себе и обещал никого не изгонять

вон, то Он принял её. Когда муж и дети её пришли из церкви, стол был накрыт и мать всех приветствовала с таким радостным лицом, что это заметили все.

– Как нас радует, матушка, что вы опять в хорошем настроении, – сказала сноха.

– Моё сердце давило ужасное бремя, но Сын Божий снял его с меня, и теперь я знаю, почему мы празднуем сегодняшней день. Агнец Божий, Который взял на Себя грех всего мира, снял с меня и мой грех.

Члены её семьи не поняли этих слов, потому что им было неизвестно, что Иисус умер и за них, чтобы даровать им вечное искупление. Они не могли понять, что мучительная смерть невинно страдавшего Сына Божия была жертвой, однажды принесённой на все времена для всех людей.

Между тем вернулись из церкви и обитатели мельницы Козимы. И Дорка тоже пришла с ними. Собрались все, но каждый был погружён в свои мысли. Дорка ещё в церкви заметила, что Анна была рассеянна и во время богослужения всё время только молилась. „Наверное, – думала Дорка, – на мельнице что-то произошло, о чём говорить нельзя“, – и она поспешила уйти.

Рано утром что-то произошло между мельником и его помощником. После завтрака они вместе пошли в лес на прогулку. При возвращении Андрей был печален, глаза заплаканы, и Козима, видимо, сердился на него. Они оба не заметили в лесу, что при их разговоре присутствовал свидетель. Старший из учеников резал себе прутья и слышал, как мельник сказал:

– Меня удивляет, что ты так забылся и выдал девушке дело, которое мы до сих пор скрывали.

Андрей что-то ответил на это.

– Бремя, бремя, – сердито повторил мельник, – легче тебе теперь? Если мы на себя легкомысленно взвалили бремя, так должны иметь мужество его нести.

Андрей энергично замотал головой:

– Я не мог его уже нести!

– Ах, так! Ну, раз ты своё слово не сдержал, то и я своё могу нарушить. После Пасхи напишу твоему отцу, чтобы он тебя взял отсюда. Я думал тебя спасти и вернуть обществу как полезного члена, но из труса никогда не получится полезный человек, – сказал Козима.

Андрей больше ему ничего не ответил. Он сел на лежащий ствол дерева и закрыл лицо руками. А когда Козима, не глядя на него, ушёл, Андрей встал на колени и так горько заплакал, что ученик тот тоже заплакал. Почему мельник хотел Андрея отослать? Ведь он такой послушный и работающий...

Ученик не утаил слышанного, сначала рассказал товарищу, а потом Анне, что мельник сердится на Андрея и что Андрей плакал.

За обедом Козима, казалось, говорил со всеми, как всегда, но все почему-то чувствовали себя неловко, кроме бабушки, которая ничего не знала. После обеда мельник заперся в своей комнате. Бабушка с учениками пошла в церковь. Андрей взял Библию и пошёл в лес. Анна убирала со стола и, закончив свои дела, тоже хотела почитать и помолиться, но не могла. Её мучило то, что Козима сердится на Андрея. Может быть, Козима опасался, что Анна их выдаст? Если он отошлёт Андрея, то тот попадёт в руки властей, в тюрьму, и она будет виновницей. Этого не должно быть! Андрею нужна была охрана Козимы, ведь Андрей тоже был в изгнании, причём в худшем, чем она.

Ей был весь мир открыт, никто не мог бросить её в тюрьму, разве только за Христа, а это легко было бы перенести. Она должна пойти к Козиме и свято ему обещать никогда в жизни не выдавать Андрея. И чтобы её присутствие не напоминало об этом деле, не Андрей должен покинуть мельницу, а она. Тогда в отношениях между ними опять всё будет в порядке. Размышляя об этом, девушка смотрела на красоту окружающей её природы, и перед ней встал вопрос: „Куда ты пойдёшь, Анна? Мир велик, но нигде для тебя нет родины“. „Я пойду туда, – решила она, – куда меня Господь пошлёт. Он до сих пор заботился обо мне и впредь меня не оставит. Многими скорбями должны мы войти в царство“. Анна помолилась, вытерла слёзы и постучалась в дверь Козимы.

Мельник сидел за столом, перед ним лежали бумага и перо, но он не писал.

– Простите, я вам помешала? – спросила Анна. – Я пришла спросить, почему вы сердитесь на Андрея и меня?

– Кто тебе сказал, что я сержусь? – спросил Козима.

– Я чувствую, что вы недовольны, и так как я люблю правду и боюсь, что Андрей может несправедливо пострадать, то позвольте мне объяснить.

И она рассказала обо всём происшедшем при уборке комнаты – про офицерскую форму и визитную карточку. Потом она передала весь разговор с Андреем и то, что ученик рассказал. Когда она закончила, в комнате стало тихо.

– Господин Козима, вы столько сделали для Андрея! Его отец был тот враг, которому вы оказали милость, спасая сына его. Вы хотели быть подобным

Христу и пожертвовали своим положением в жизни. О, завершите это дело и не отталкивайте Андрея от себя только за то, что он в трудный час открылся мне. Я даю вам слово – Бог свидетель, – что я никогда не проговорюсь об этом. Простите ему, относитесь к нему, как прежде. Он любит и уважает вас. Ему здесь, при всём унижении, гораздо лучше, чем дома у своих, которые его никогда не поймут.

– Анна, ты не знаешь Андрея, – возразил Козима, – он не может теперь жить с нами, как прежде. При виде тебя он теперь всегда будет чувствовать себя тем офицером, которым он был.

Анна покраснела и потом побледнела.

– С этим я согласна, господин Козима. Не только ему, но и вам меня видеть нелегко. Но это изменится. Вы приютили двух изгнанников и оказали им благодеяние. Но обстоятельства изменились: мы двое под вашей крышей жить не можем. Один из нас должен уйти. Пожалуйста, простите Андрея, не пишите его отцу ни слова. После праздников я оставлю ваш дом. Если бы я осталась, это было бы неблагодарностью за всё то доброе, что вы для меня сделали. Я не хочу нарушить вашу дружбу с Андреем и разлучить вас.

– И куда ты думаешь отправиться, Анна, домой?

Козима окинул её тревожным взглядом. В глазах её стояли слёзы.

– Домой? Вы ведь знаете, господин Козима, что я домой не могу вернуться. Но мир велик. Сегодня я ещё не знаю, куда я пойду. Но главное сейчас не это, а то, чтобы вы простили Андрея и не написали его отцу.

Козима стал ходить взад и вперёд по комнате, потом сказал:

– Я многим пожертвовал ради Андрея и не жалею

об этом. Но эту жертву – изгнать тебя из моего дома, из нашей долины, отлучить тебя от этой работы, которую ты начала среди нас, послать тебя, одинокую, незащищенную, в этот холодный мир – я не могу принести. Я знаю, ты готова пожертвовать собой и уйти. Но я теперь должен открыть тебе всю истину. Я не обращаю внимания на суд людей, но мысль, что ты меня будешь считать жестоким и на Христа непохожим, невыносима для меня. Я верю, что ты будешь молчать и меня не выдашь. Я люблю Андрея, как брата, и поэтому я молчал и выжидал. Андрею тюрьма не угрожает. Дело в том, что Эдуард жив и уже женат на прежней своей невесте...

– Господин Козима, вы это знаете и молчите? Смотрите, как Андрей страдает!

– Тихо, дитя моё, дай мне всё тебе рассказать. Да, он страдает, и если он здесь останется, то его положение не изменится. Но он не убийца, он свободен от всякого обвинения. Деньги многое могут сделать, они ослепили и здесь глаза власти имущих. Я взял к себе молодого человека, который вследствие ранения головы и связанного с ним сотрясения мозга потерял дар речи и близок был к помешательству. Только полное изменение жизненных обстоятельств и физический труд могли его от этого спасти. Я с радостью наблюдал, как этот изнеженный парень, живя у нас, становился всё крепче, как он закалялся. Врачи были того мнения, что большое нервное потрясение может вернуть ему речь. Но сначала он должен был настолько физически окрепнуть, чтобы без вреда перенести это потрясение. Я решил держать его в прежнем положении до тех пор, пока он не будет в состоянии пережить свидание с Эдуардом. Я был

убеждён, что это вернёт ему дар речи. То, что он не сдержал своего слова и проговорился, рассердило меня, потому что это подвергло его лишним переживаниям, ослабляющим его организм. Для его же пользы я должен послать его к отцу, который всё знает и примет сына своего. Вот, Анна, теперь ты знаешь всё и видишь, что я не сержусь.

– О, простите меня! Я судила, не зная. Но ведь то, что вы рассказали, чудесно! Господь вернёт ему речь и здоровье, и вы спасли его, вы – орудие в руках Божиих. О, не бойтесь держать Андрея здесь, мы о нём позаботимся, чтобы он не очень страдал. Но почему я говорю „мы“? Наш Спаситель всемогущ, Он помилует его. Он даст ему мир, а потом большую радость... Андрей нас, наверное, уже ждёт, господин Козима. Вы ему скажете, что простили и что его отцу ничего не напишете, не правда ли, вы это сделаете?

Анна взяла в свои руки руки мельника и счастливым, радостным взором смотрела ему в глаза.

– Хорошо, – сказал он, улыбаясь, – но при одном условии: что ты никуда не уедешь и меня не выдашь.

– О нет, Господь мне в этом поможет. Я благодарю вас. Господь за всё вас благословит.

Анна ушла к лесной избушке. Приблизившись к ней, она услышала пение нескольких голосов. У стола сидело пять женщин с раскрытыми песенниками. Звучала песня „О скорбный лик, о скорбный час“. Анна под села к поющим. До позднего вечера сидела эта маленькая группа людей вокруг Слова Божия. Они чувствовали близость Того, Кто сказал: „Где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них“. Анна объясняла женщинам слова из Евангелия: „Ищите, и найдёте“.

Анна знала только о пяти спасённых душах. Но была ещё шестая, над которой Господу много пришлось потрудиться, пока эта душа убедилась в Его всепрощающей любви. Много слёз пролила она, пока могла сказать: „Я верю, что Ты меня спас, делай со мной, что Тебе угодно! Живой или мёртвый, я навеки Твой“.

Уже смеркалось, когда Андрей переступил порог комнаты Козимы. Хозяина не было дома. Андрей сел за стол, взял лист бумаги и начал писать:

„Мой дорогой благодетель!

Во-первых, прими сердечную благодарность за то, что тогда спас мне жизнь. Это только сегодня имеет цену для меня. Да, сегодня, когда я из тьмы выбрался в чудный свет, из смерти в жизнь. Христос открыл мне Свою истину и принял меня. Я верю, что Он действительно воскрес, живёт и прощает грехи. И мою большую вину Он простил. Я пришёл к Нему, как разбойник на кресте, и был принят. Я есть и останусь на всю жизнь убийцей Эдуарда, но этот грех перед Богом уничтожен смертью Иисуса Христа на Голгофе. Иначе обстоит дело перед людьми.

Ты назвал меня трусом за то, что я Анне рассказал о моём преступлении, но не это было трусостью. Это признание мне очень дорого стоило. Трусостью было то, что я так долго не отдавался в руки правосудия. Но святой благой Бог и это употребил для моего спасения. Если бы не было этой медлительности, я не познакомился бы с Анной и не был бы приведён ко Христу. Теперь Господь достиг со мной Своей цели, и я уйду. Пожалуйста, не пиши отцу по почте, я сам передам ему письмо. И тогда я предстану перед судом,

чтобы с радостью понести заслуженное наказание. Оно не превысит моей тяжёлой вины. О, как милостив мой Бог, простив мне такую вину! Теперь я только начинаю понимать, почему мой дорогой Спаситель столько должен был страдать. Только Его святая, чистая, невинная Кровь могла омыть меня от этого греха. Эдуарда я не могу воскресить, но я верю, что говорит Писание: „Когда умножился грех, стала преизобилывать благодать“. Позволь мне ещё праздники провести в твоём доме, где я увидел столько доброго и даже достиг высшего блага. Это моя первая Пасха-Воскресение. О, как жаль, что я нем! Как трудно молчать, когда сердце ликует и жаждет хвалить и славить Бога, моего распятого Спасителя. Но не вечно буду я немым...”

Дальше Андрей писать не мог. Радость и скорбь объяли его. Он пал на колени, и, хотя уста молчали, сердце в первый раз попросило: „Господь Иисус, если Ты оказал мне такую милость, открой уста мои, чтобы я мог свидетельствовать о Твоей благодати! Аминь.“

Глава 8

Прошло две недели после Пасхи. Природа одела свой лучший наряд. Зарошье выглядело, как сад. Все деревья и кустарники вокруг мельницы Козимы стояли в цвету. Пение птиц наполняло воздух. И на мельнице все чувствовали себя так, как будто весна вошла в каждое сердце. Козима, хотя он и мало говорил, был воодушевлён какой-то внутренней надеждой на что-то радостное. Бабушка говорила женщинам, что мель-

ник помолодел. Андрей теперь никогда не бывал грустным. Иногда глаза его сияли таким светом, что казалось, немые уста его вот-вот запоют хвалебный гимн из самой глубины сердца. В течение последних двух недель всё существо его изменилось, будто кто-то влил в него силу и здоровье; прежде бледное и худое его лицо порозовело. „Откуда он берёт такое множество трактатов и брошюр, которые раздаёт всем?“ – спрашивали люди. Он приносил даже Библии и Новые Заветы в некоторые дома.

Анна тоже словно расцвела. Её добрые глаза сияли. Она улыбалась, для каждого имела ласковое слово. Как солнышко, она обогривала всех, кто соприкасался с ней. Но иногда она, грустная, стояла возле плотины. Ей тяжело было жить с Андреем под одной крышей, знать, что от него скрывается то, что могло бы сделать его счастливым. Только взгляд Козимы, который он время от времени бросал на неё, словно говорил: „Я доверяю тебе“ и укреплял в решении молчать. Кроме того, Анну мучило нечто другое. Козима отрицал воскресение Христа, считал себя безгрешным. Он старался жить безукоризненно, и, действительно, ничего нельзя было сказать о нём плохого. Анна боялась, чтобы его убеждения не заразили её и не поколебали её библейскую веру. Поведение Козимы, казалось, говорило: „Во что ты веришь, хорошо для тебя, а мои убеждения хороши для меня, и я остаюсь при них“. „Кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия“, – сказал Иисус Христос Никодиму. Козима, конечно, был добрый человек, и всё же Бог может оставить его за всю его жертвенную жизнь без вознаграждения, осудив его вместе со сквернейшими преступниками за то, что он не верит в Иисуса Христа как

Сына Божия и в воскресение Его. Ведь Иисус Христос говорит, что верующий в Него не судится, а не верующий во имя Единородного Сына Божия уже осуждён. Эти мысли побуждали Анну молиться. Днём и ночью она просила Господа о милости к этому благородному человеку, не знавшему Бога.

Глава 9

Было воскресенье. У плотины стояли мельник и Андрей. У последнего в руках была книга, которую он намеревался почитать в лесу. Вдруг они увидели Анну.

– Ты куда, Анна? – окликнул её Козима.

– Я ищу вас, – ответила она. – Прочтите, пожалуйста, вот это письмо.

Андрей не хотел мешать и направился в лес. Козима взял письмо и прочёл его. Главным в его содержании было следующее:

„Письма Анны становятся всё хуже. Она ведь не исправляется. А вы пишете о ней, будто она невесть какой ангел. Что подумают о нас люди, среди которых мы живём, что мы так долго оставляем её у вас? Правда, домой ей нельзя. Я не хочу, чтобы она была здесь. Я рада жить в мире с мужем. Но из-за людских разговоров я нашла ей хорошее место в Будапеште, у одной богатой еврейки. Она слышала от кого-то об Анне и приезжала нанять её. Будет платить по десять гульденов в месяц. Пусть Анна сейчас же собирается и едет от вас прямо в Будапешт. Деньги на дорогу, оставленные её новой хозяйкой, мы уже выслали.“

Прочитав письмо, Козима хотел смять его. Но вместо этого он посмотрел на Анну.

– Я пришла сказать вам, что я должна ехать...

– И ты хочешь ехать, Анна?

– Я не имею возможности оставаться. Если бы бабушка была больна и ей нужен был бы уход, тогда другое дело. А так причины нет. Вы и так давали мне много времени для служения Господу, особенно в последние дни. „Исправиться“ я здесь не могу, это правда, – сказала она, улыбаясь, – и должна повиноваться.

– А ты охотно поедешь на новое место? – спросил Козима.

– Как привыкну к мысли, что я должна оставить это милое место и всех добрых людей и друзей, так даст мне Спаситель и желание ехать. Ведь в конце концов всё равно, где и каким людям служить – христианам или евреям. Я готова идти туда, куда Бог поведёт.

– А как же работа среди женщин?

– Работа? Я никакой такой работы не знаю.

Он усмехнулся:

– Вот как? А кто спящие души будил? Кто им помогал познать Христа?

– Это Бог Сам делал. Если я где-либо могла Ему помочь, то моё служение было ничтожным. Правда, я думала поселиться у Дорки. Она вышивала бы, а я бы шила, и на пропитание нам хватило бы, и мы могли бы воспитывать ещё сирот, которых она приняла. Хорошо всё было задумано, но выходит иначе.

Словно тень легла на лицо Козимы. Он хотел что-то сказать, но в этот момент на улице поднялось облако пыли. Послышался стук копыт о мостовую и шум катящейся коляски – редкое явление в деревне. Мельник взглянул на улицу и невольно схватил руку Анны.

– Гости едут! – воскликнул он, едва подавляя волнение. – О твоём деле поговорим после, пока ничего не пиши домой. Кто знает, может быть, ты здесь нужна будешь.

Вскоре перед мельницей остановилась коляска. Из неё выскочил стройный молодой господин, и другой, уже седой, следовал за ним. Сердце Анны замерло: она поняла, что это отец Андрея и давно оплакиваемый друг Эдуард. В первый момент Анна растерялась. Что делать? Позвать Андрея или задержать? От этого свидания так много зависело.

В своём возбуждении Анна не заметила, как Козима приветствовал гостей и боковым ходом провёл их на мельницу. Когда Анна пришла в себя, никого уже не было. Она знала все любимые места Андрея и теперь чувствовала только одно непреодолимое желание – найти его, чтобы перед этим неожиданным свиданием ещё раз помолиться. Гонимая этим желанием, она бежала по лесу. Вдруг Анна остановилась: на просеке, на стволе поваленного дерева сидел Андрей. Он читал книгу. Каким статным выглядел молодой человек в новом мельничном костюме. Анна содрогнулась: отец с Эдуардом здесь, а он и не знает ничего об этом. Только она подумала, как бы незаметно увести его на мельницу, как он увидел её, поднялся и поспешил ей навстречу.

– Я вас искала, Андрей, я хотела бы ещё раз помолиться, поблагодарить Господа за все дарованные нам блага и снова отдаться в Его руки в полной уверенности, что Его любовь вечна.

Он охотно согласился, но что-то ему показалось странным в её словах. Они преклонили колени. Анна молилась за обоих, как она со времени Пасхи уже

несколько раз делала. Потом они встали и направились к дому. Она шла впереди. Чтобы он не заметил её волнения, она остановилась и показала ему письмо матери и сообщила о предстоящем расставании. Он скомкал письмо и, казалось, собирался энергично протестовать, но вдруг смиренно опустил голову. „Мы оба попадём в тюрьму, – пояснил он знаками, – вы из этих прекрасных лесов на улицу большого пыльного города, а я туда, где мне следует быть. О, я благодарю вас за вашу молитву! Она напоминает мне, что Иисус всегда добр, даже тогда, когда ведёт нас трудными путями“.

Вдруг послышались шаги. Андрей и Анна остановились и посмотрели в ту сторону, откуда слышался шорох. И тут Андрей, как поражённый, пошатнулся, протягивая обе руки навстречу приближающемуся старцу, опирающемуся на трость.

– Андрей, смотри, какой гость к тебе идёт! – крикнул Козима, которого Анна только сейчас заметила. Уже казалось, что Андрей упадёт в объятия отца, но он сделал ещё два шага и взглянул в сторону, на кустарник, и нечленораздельный звук вырвался из его вздымающейся груди. Кусты раздвинулись, и из них вышел ещё один человек.

– Отмар, это я! Неужели ты меня не узнаёшь? – воскликнул звонкий молодой голос.

В этот момент лицо Андрея посинело.

– Эдуард! – вырвалось из его доселе немых уст.

Глаза его закрылись, голова повисла, и если бы не Козима, Андрей рухнул бы на землю. Но любящие руки подхватили его и осторожно опустили на мягкую траву.

– Отмар, сын мой, посмотри на меня, – плакал отец.

– Проснись, дорогой мой! – взывал бывший его друг.

В стороне стояла Анна, глядя на казавшееся безжизненным тело Андрея. Посмотрев на Козиму, она испугалась выражения его лица. О, если Андрей сейчас умрёт, тогда он будет главным виновником его смерти. Нет, только не это! Вся радость Анны исчезла. Она подошла к Козиме, положила свою руку ему на плечо и сказала:

– Отнесите его на мельницу, мы приведём его в чувство.

Козима схватил её руки, как утопающий хватается за соломинку. Пришедшие смотрели на неё, но никто не спросил, кто она и что ей здесь нужно. Присутствовавшие просто повиновались ей. Хорошо, что до мельницы было недалеко...

Глава 10

К вечеру в Зарошье все уже знали, что к Андрею приехали гости – отец и друг и что это посещение так его потрясло, что он упал в обморок. Друг тотчас поехал за врачом. К счастью, врач встретился им по дороге. Когда они приехали на мельницу, Андрей лежал всё так же неподвижно, не открывая глаз, но он был жив. Казалось, что жизнь в нём медленно угасает. Анна страдала вместе со всеми – с Козимой из-за его разрушенного плана и надежды, с отцом Андрея, жалобы которого разрывали её сердце.

– Отмар! Отмар, сын мой единственный! Прости своего несчастного отца! Ах, зачем я согласился так с

тобой поступить! Да, ты заговорил, но какой ценой! О, что я буду делать, если ты умрёшь?!

– Он не должен умереть, господин мой, – осмелилась возразить Анна.

Но отец грубо оборвал её:

– А кто его воскресит?

– Бог, Иисус Христос, в Кого он теперь верит. Я молюсь, господин, и верю, что Он вашего сына спасёт. Если и вы Его об этом попросите, Он это сделает, – сказала Анна.

– Ах, молитесь вы, молитесь! – умолял отец в большой скорби.

Когда человек бессилен, он чувствует, что есть Кто-то выше его, Который может помочь. Но люди нередко забывают о Боге и потом не знают, как к Нему приблизиться. У них нет доверия к Нему. Поэтому они в трудные минуты рады присутствию человека, имеющего к Богу свободный доступ. И когда Анна с переполненным чувствами сердцем молилась за жизнь Андрея, отца его, который никогда ещё не слышал такой по-детски доверчивой молитвы, коснулся новый луч надежды.

А что чувствовал Козима? Он не встал на колени и не молился. К кому было ему взывать? К великому Страдальцу, Который умер за Своё учение и Которого похоронили? Анна призывала на помощь живого воскресшего Христа, и удивительно, в сердце Козимы вдруг словно проник луч света и надежды. „О, если бы он ожил, если бы Анна была права! Если эта молитва будет услышана, значит, Ты, Христос, жив!“

Пришёл врач. По дороге он узнал подробности происшедшего. Он спокойно выслушал объяснение Козимы и взял его под свою защиту.

– Вы несправедливо обвиняете господина Козиму, – сказал он отцу Андрея. – Мнение, выраженное моим коллегой, было верным, и это доказано. Ваш сын опять обрёл речь, но нервное потрясение было для него слишком сильным, это верно. Этого следовало ожидать. В таком случае всегда существует риск – жизнь или смерть.

Потом он осмотрел больного и сказал:

– Потрясение велико, но он молод, здоров и будет говорить и, наверное, поправится. Но, господа, вы должны удалиться, особенно господин Эдуард. Больной не должен вторично вас видеть, это его может погубить.

– Но я не оставлю моего сына здесь! – воскликнул отец. – Прошу вас, господин доктор, помогите мне переправить его домой!

– Об этом даже думать нечего. Ваш сын должен оставаться здесь, в этой обстановке. Господин Эдуард поедет со мной за медикаментами. Около больного должен кто-то быть. Но кто?

– Я, – заявила Анна. – Пожалуйста, предоставьте мне больного, я в точности выполню все ваши предписания.

Врач посмотрел на неё оценивающим взглядом. Затем он дал ей точные предписания, как обращаться с больным, назначил холодные компрессы на лоб и сердце и капли для приёма внутрь.

Когда все ушли, Анна осталась одна со своим другом, но через несколько минут вернулся врач.

– Скажите, барышня, вы родственница больному или господину Козиме? – спросил он.

– Ни тому, ни другому я не родня. Моя бабушка – экономка на мельнице, а я у неё в гостях, – сказала Анна.

– Значит, я могу сказать вам правду? – Надежды мало, что молодой человек останется жив, и если он даже останется жив, то говорить и мыслить нормально навряд ли сможет. Смерть была бы благом для него. Но всё же ухаживайте за ним добросовестно. Для господина Козимы будет облегчением знать, что всё возможное сделано. Завтра я привезу ещё двух врачей. Хотя это и бесполезно, но, знаете, это нужно для успокоения всех. Я вам всё это говорю, чтобы вы в случае чего не растерялись.

Бедная Анна! Кто опишет её горе? Она сидела у постели больного и меняла ему компрессы на лбу и груди. Сердце Андрея сильно стучало. Казалось, оно старалось разбить свою темницу, чтобы дать выпорхнуть душе, стремящейся ввысь, к Богу. Девушка представила себе горе отца и отчаяние Козимы. „О Господи, зачем Ты допустил это? – вздыхала Анна. – Почему Ты не дал успеха Козиме, ведь его побуждения были так благородны и добры? Он многим пожертвовал, а теперь ещё и виновным оказывается в этом несчастье“.

Анна вспомнила выражение радости на лице Козимы в последние дни. Он был твёрдо убеждён, что его жертва будет иметь успех. О, улыбка больше никогда не осветит его лицо! Она уйдёт с жизнью Андрея. Анне стало так страшно и больно, что она поспешила к окну и отворила его. Подняв взор к небу, она прошептала: „Возвожу очи мои к горам, откуда придёт помощь моя. Помощь моя от Господа, сотворившего небо и землю. Не даст Он поколебаться ноге твоей, не воздремлет хранящий тебя... Господь – хранитель твой; Господь – сень твоя с правой руки твоей... Господь сохранит тебя от всякого зла; сохранит душу

твою Господь. Господь будет охранять выхождение твоё и вхождение твоё, отныне и вовек“. И этот Господь Бог не имеет власти предотвратить это несчастье? Анна выпрямилась: „Кто говорит, что моя молитва не услышана? Разве правда на стороне доктора? Если люди бессильны спасти человека, то это не значит, что и Он, Который сотворил небо и землю, и Андрея, это не может сделать. Он, Бог, даёт человеку слух и речь, Он даёт разум. О, Он докажет это, и мы будем Его ещё хвалить и славить“. Анна вернулась к больному, чтобы дать ему лекарство.

А потом потихоньку начала петь тот же псалом. Когда окончила пение, сердце её вдруг чуть не остановилось: из уст Андрея тихо, но внятно послышалось: „Аминь!“ Ах, какое чудное „Аминь!“ это было на её молитву! Не только речь, но и разум больного возвратились к нему! Он понимал, что она пела, и выразил своё одобрение.

Глаза его остались закрытыми. Он глубоко вздохнул, но потом, по-видимому, опять заснул. Девушка убаюкивала его своим пением. Теперь сердце её без слов принесло горячую молитву благодарности Спасителю. Потом она вышла. В соседней комнате никого не было. Бабушка с заплаканными глазами хлопотала на кухне. На вопрос, где господа, бабушка ответила, что они в столовой.

Когда Анна вошла к ним, мужчины повернулись к ней и побледнели в ожидании недоброй вести. Но Анна спокойно сказала, что они могут пойти к Андрею, посмотреть на него, он только что заснул.

– Я пела псалом, и когда я кончила петь, Андрей сказал: „Аминь“. Пойдёмте, – сказала она отцу Андрею, – пойдёмте, поблагодарим Бога за Его великую

любовь. Вашему сыну дарована речь, и разум не повреждён, хотя доктор сомневался. Я верю в живого Христа, что Он поможет ему.

Ей дали высказаться, потому что оба точно остолбенели. Но через несколько минут они молча пошли и своими глазами убедились, что Андрей действительно спал, и видно было, что в состоянии его здоровья наступило улучшение. У постели сына отец упал на колени и крепко пожал руку Анны:

– Я не могу молиться, не могу благодарить. Молитесь и благодарите вы. О, молитесь, чтобы Бог оставил его в живых!

И вдруг Анна услышала шёпотом сказанные слова: „Да, Анна, благодари и молись“.

Глава 11

Мельник даже не подозревал, насколько он был прав, когда попросил Анну остаться, потому что она, может быть, будет здесь ещё нужна. И как она здесь была нужна!

Уже давно были возвращены дорожные деньги, и Козима сам написал родителям Анны, почему он её задержал, и что это будет компенсировано. „От присутствия этой девушки зависит жизнь нашего пациента, – сказал врач, – мы имеем в ней истинное сокровище“.

Лишь через две недели допустили отца к Андрею. Кто знает, как бы всё ещё обернулось, если бы не Анна. Все были рады, когда заметили, что Андрей совершенно забыл тот ужасный момент в лесу. Он поверил доктору, что речь вернулась к нему во время

болезни. Отчего приключилась эта болезнь, он не спрашивал. О, он даже не знал, как должен благодарить Господа за дар речи!

Отец сказал Андрею, что его телеграммой вызвали к нему, больному, и что, приехав, он не стал расспрашивать о подробностях, потому что Анна обещала рассказать всё, когда Андрей поправится.

– А теперь, когда я могу говорить, я буду восхвалять великие дела Божии, – ликовал Андрей.

Отец Андрея странно посмотрел на своего сына: если бы он здоровым вернулся домой с такими убеждениями... Ну и ну! Однако, как он рад был слушать его теперь! Лишь бы он был жив и здоров и мог вернуться в общество!

Прошёл четвёртый воскресный день со времени того страшного происшествия. Андрей с Анной сидели в лесу посреди райской природы. Молодой человек был ещё бледен и слаб. Он сидел, подперев голову обеими руками, а девушка ему читала.

Вдруг он её прервал.

– Извините, Анна, я не могу мысленно следовать тому, что вы читаете. Что-то страшное меня гнетёт, и я не могу вспомнить, что. Вы обещали рассказать мне всё, когда выздоровею. Теперь я здоров, освободите меня, Анна, от этого гнёта, – попросил Андрей.

Анна побледнела.

– Хорошо, только сначала мы помолимся, – сказала она спокойно.

Легко понять, что Анна в молитве употребила те слова, которые она произносила в молитве тогда, четыре недели тому назад. Когда она помолилась, Андрей оставался ещё несколько минут на коленях. Вдруг он вскочил и сказал:

– Анна, я всё знаю! Мы вместе шли из лесу, навстречу шли отец и Козима. Я посмотрел в сторону и в кустарнике увидел Эдуарда. Я вскричал, и вокруг меня наступила ночь. О Анна, неужели это правда? Был ли это его дух или он сам?

– Успокойтесь, Андрей, я обещала вам рассказать всё. Только сядем.

Он послушался, и девушка рассказала ему всё, что его отец ей рассказал об Эдуарде: что он долго находился между жизнью и смертью, но поправился и женился на своей прежней невесте. Она поведала ему ещё и то, о чём ей рассказал Козима: что Андрея так долго держали в неведении, потому что надеялись, что речь его может вернуться через сильное нервное потрясение. И вот опасный момент прошёл благополучно.

– О, какая незаслуженная любовь со стороны Бога и людей! – воскликнул молодой человек. – Двое жертвовали собой для меня – мой Спаситель и Козима. Я так благодарен, что Козима оставил меня в убеждении, что я убийца Эдуарда. Иначе я вообразил бы себя мучеником, грехов бы своих не осознал и спасения бы не искал. Нет, мне действительно нечем за это отблагодарить Иисуса, людей, особенно вас, Анна. Никогда не скорбите, что вы здесь в изгнании. Вы стали орудием Божиим для спасения человека, который иначе обязательно погиб бы. Сознание этого пусть уничтожит всю горечь в вашей дальнейшей жизни, Анна, – говорил Андрей с любовью и радостью о своём спасении.

Глава 12

Если вынуть из часов лишь маленькое колёсико, то они либо остановятся, либо будут идти неправильно. Так же и в семье. Если из неё уходит хотя бы один из её членов, то всем остальным будет недоставать его. На мельнице Козимы мы напрасно искали бы милое лицо его помощника. Его место за столом пустовало. Не слышно было его лёгких шагов. Он больше не вернётся сюда. При его отъезде присутствовала половина деревни. Когда он обратился к ним, заплакали не только женщины, но и мужчины. О, что это были за слова! Андрей признал свою великую вину и то, что только по милости Божией он не стал убийцей на самом деле. Он рассказал о своих перенесённых муках и об испытанной неопишуемой любви Божией. Он и не умолчал, сколько добра сделал ему Козима, но что Господь Иисус Христос ещё больше сделал для него на Голгофе. Потом Андрей раздавал Библии и Новые Заветы. Ученикам он оставил всю свою одежду и обувь. К бабушке перешёл его новый красивый будильник, а Дорка получила приличную сумму денег для своих сирот.

Когда же он сел в коляску к своему взволнованному отцу, к нему потянулись грубые, мозолистые руки для прощания: „Прощайте! В добрый путь, Андрейко!“ Козима и Анна проводили их до станции.

– Ах, поедem с нами, – просил Андрей Анну, – побудем ещё вместе. Я не знаю, как я без вас буду жить. Утешаюсь лишь тем, что мы объединены любовью Христа.

На другой день мельница не работала. Мельника ещё не было.

На горах лежал туман, моросил тёплый дождик. Через лес шагали Козима и Анна. Оба молчали, не желая мешать друг другу думать.

Анна думала о том незабываемом моменте на вокзале. Она видела, как Андрей обнял Козиму и ещё раз благодарил за всё. И отец благодарил Козиму и просил у него прощения за причинённое зло, за которое Козима воздал ему по-христиански. Отец благодарил и Анну, сказав: „Я знаю, что вы будете молиться за моего сына, но молитесь и за меня!“

С Андреем она простилась крепким тёплым рукопожатием. Но в его взоре была такая благодарность, которую словами не описать. „Привет Зарошью и мельнице!“ – крикнул он из окна вагона и исчез из её глаз, может быть, навсегда.

Но о чём думает тот, кто ради Андрея забрался в эту глушь? Анна невольно взглянула на своего молчаливого спутника. Ей было жаль, что он так одинок. Никого у него нет, сказал как-то Андрей. Для кого он теперь будет жить? Анна знала, что по призванию он не мельник. Отец Андрея и Козима были владельцами паровых мельниц на Дунае, имели, наверное, одинаковое образование, были равны по своему происхождению. Было ли это теперь правильно, что Козима оставался здесь, в то время как Андрей вернулся к своему сословию?

Мельник, по-видимому, ощутил взгляд девушки, потому что он вдруг повернулся к ней:

– Ты меня о чём-то хочешь спросить, Анна?

– Вы теперь один, – ответила Анна смущённо. – Останетесь ли вы в Зарошье? Ведь цель ваша достигнута.

Он остановился.

– Ты обо мне думаешь? – спросил он с удивлением.

– О, я всё время думаю о том, что вы в Зарошье не на месте.

– Вот как? Ты думаешь, что я такой же заколдованный принц, как Андрей? – Горькая усмешка появилась на его губах. – Нет, я с давних пор мельник.

– Отец Андрея – тоже мельник? – спросила она.

– Ты думаешь, что если мы были соседями, значит, мы одинакового сословия? – спросил Козима. – Ты ошибаешься, Анна. Отец Андрея получил прекрасное образование. Он фабрикант и держит мельника. Мой отец не мог мне дать такого образования. А получил я образование путём путешествия по миру. То, в чём мне было отказано, я решил приобрести своими силами и имел успех. Но потом я увидел пустоту жизни без самопожертвования в служении Христу и нашёл возможность заполнить эту пустоту. Ты хочешь знать, останусь ли я в Зарошье? А куда мне идти? Хотя Андрей ушёл, цель моя далеко не достигнута. До тех пор, пока человек нуждается в моей помощи, для меня дел достаточно. Если бы я вернулся к прежней жизни, я потратил бы все мои деньги. Здесь, скромно живя, я могу делать гораздо больше добра. Мне средств моих хватит до самой смерти, а дальше ничего не нужно. Но оставим этот разговор. Я должен тебе что-то сказать, Анна. В твоих заботах об Андрее ты упустила из виду, что на мельнице было двое больных. Один из них выздоровел, а другой должен умереть, если не явится помощь. – Козима опёрся о дерево, скрестив руки на груди. Лицо его стало грустным.

– Что с вами, господин Козима? – спросила Анна и, движимая каким-то новым, доселе не известным ей чувством, взяла обе его руки в свои.

– Что со мной? В прошедшие дни я ясно осознал, что мои убеждения – только заблуждения, которые и меня, и тех, которые мне следуют, приведут в болото. Да, ты права: „Если Христос не воскрес, то тщетна вера“. В такие минуты, какие мы пережили у постели больного Андрея, мёртвый Христос не поможет.

– Но Он воскрес! – воскликнула Анна, торжествуя. – Не правда ли, вы чувствуете, что наш Спаситель жив?

– Я верю и желаю лишь одного, чтобы Он стал и моим Спасителем. Душевные муки, которые я пережил, пока сердце моё поверило Благой Вести, знает один Бог. Я сам заблуждался и вводил в заблуждение других. Моё ложное учение перед лицом смерти не поможет и надежды на вечную жизнь не даёт. Если бы не ты, этот обман опутал бы всё Зарошье. Свидетельство Андрея перечеркнуло моё учение. О, если бы все уверовали в истину, пока не поздно! Вот это я и хотел тебе сказать, а теперь пошли домой.

– О господин, если вы только хотите верить, что Иисус жив! – сказала Анна.

– Я верю этому и знаю, что я великий грешник и что Он – единственный Спаситель, Который умер не за Своё учение, а за грех мира. Но мне ещё многое неясно. Слишком долго я находился во тьме неверия. Пройдёт, наверное, ещё много времени, пока солнце для меня взойдёт. Для Андрея засиял свет. Андрей ушёл, теперь ты уйдёшь, а я останусь один, и ни одна душа не поможет мне увидеть свет истины.

– О господин, я вас не оставлю! Не отсылайте меня, если я могу вам чем-то помочь, – просила она его. – Как я могу жить, зная, что вы... в одиночестве?

– Анна, ведь ты не можешь навсегда здесь оставаться. Как ни тяжело, но я должен тебя отпустить, и

чем скорее, тем лучше. Есть только один выход... если бы ты стала моей женой. Но тебе двадцать, а мне сорок лет. Ты – как распустившийся бутон, а я начинаю сесть. Я знаю, что тебе у меня было бы неплохо, потому что мы хорошо понимаем друг друга. Но... со стареющим мужем жизнь молодой женщины холодна и печальна, потому что она живёт без счастья любви.

Если бы молния ударила около девушки, это не испугало бы её так, как эти слова.

Козима не ждал ответа.

Молча шагали они к мельнице. Только у плотины они остановились и взглянули друг на друга. В глазах Анны сверкали слёзы.

– Ну что, Анна, ты уже многим была светом, почему ты не хочешь быть им и для меня? Не могла бы ты разделить моё изгнание, чтобы помочь мне жить для Христа? Не для мёртвого, а для живого Христа. Я не могу пустить тебя в этот холодный мир. Без Андрея нам трудно обойтись, а без тебя это совсем невозможно, по крайней мере, для меня. Можешь ли ты здесь остаться?

Он протянул ей руку, и её тёплая маленькая ручка с полным доверием, без трепета легла в его руку.

– О, я останусь, останусь... очень охотно останусь, – сказала Анна, смутившись и опустив засветившиеся радостью глаза.

В деревне раздался звон колоколов. Солнышко прорвалось сквозь тучи и осветило у водопада двоих, которые подходили друг к другу, как цветок к дереву. Цветок осчастливит дерево своим ароматом, а дерево будет охранять цветок.

Две пары глаз светились силой и светом. Объединившись, они образовали одно совершенное целое.

